

10. Мэн-цзы. Предисл. Л.Н. Меньшикова. Пер. с китайского, указ. В.С. Колоколова / Под. ред. Л.Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 272 с. («Памятники культуры Востока»).

11. Щуцкий, Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен» / Ю.К. Щуцкий; под ред. А.И. Кобзева. – 2-е изд. – М.: Наука, 1993. – 606 с.

12. 马国凡. 成语简论. 辽宁, 1964 年, 第 69 页. Ма Гофань. Коротко о чэньюях. Ляонин, 1964 г., с. 69.

13. Круглов В.В. Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса. Канд. Дисс., М., 2022. С. 50-144.

УДК 303, 321

Кузнецов Анатолий Михайлович, *док. ист. наук, профессор*
Кафедра международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
kuznetsov.2012@mail.ru

РОССИЯ – КИТАЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ПОВЫШЕННОЙ СЛОЖНОСТИ. К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются общие вопросы социально-политической организации России и Китая. Для анализа была применена теория исследования сложных систем. В результате сделан вывод, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика представляют особый тип государственности.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китайская Народная Республика, феномен, сложность, политика, этнос.

Kuznetsov Anatoly Mikhailovich, *Ph.D. in History, Professor*
Department of International Relations
Fare Eastern Federal University
kuznetsov.2012@mail.ru

RUSSIA AND CHINA AS PHENOMENA OF HIGHER COMPLEXITY. THE PROBLEM OF INVESTIGATION

Abstract. The article analyzes the main issues of social and political organization of Russia and China. Theory of complex systems was used for this study. It was concluded that Russian Federation and People's Republic of China may be regarded as a specific type of staleness.

Key words and phases: Russia, People's Republic of China, phenomenon, complexity, polity, ethnos.

Постановка проблемы. Сегодня Россия и Китай часто становятся объектами жесткой критики со стороны Запада, в том числе и в отношении своего государственного устройства и общественной организации. Империя, автократия и другие определения с негативными коннотациями используются как предлог для призывов к соблюдению неких правил, насаждения демократии, защите прав человека и т.д. в нашей стране и для нашего ближайшего стратегического партнера. При этом нетрудно заметить, что предлагаемые в качестве эталонов альтернативные модели в виде того же государства-нации, варианты

демократической организации, нормы правовых систем являются *западными*, преимущественно *англосаксонскими* по своему происхождению. Тем не менее, в политическом, общественном и научном дискурсах наших стран ориентация на западные образцы все же получила достаточное распространение. Такое положение представляется особенно парадоксальным, учитывая, что Россия и Китай не были собственно колониями Запада. Осмысление же последствий своего колониального прошлого интеллектуалами ряда арабских стран и Индии вызвало негативную оценку его влияния в виде концепции *постколониализма* (Hiddleston 2009). В наших же рассматриваемых случаях, как показали европейские авторы, более адекватной для понимания сложившейся ситуации будет идея *методологического национализма*. Смысл ее заключается в неоправданном применении определений и концептов, сформировавшихся в одной социально-политической реальности, для анализа реалий других стран (Beyond the Methodological Nationalism: Nationalism... 2012; Wimmer, Glick Schiller 2002).

На первый взгляд может также показаться, что общественно-политическая организация России и Китая имеет мало общего. Мы расстались со своим социалистическим прошлым, но Китайская народная республика продолжает строительство социализма, правда, с китайской спецификой. Кроме того, Россия позиционируется как федерация, а Китайская Народная Республика определяется как унитарная по своему характеру. Поэтому возникает естественный вопрос: а уместно ли эти государства по-прежнему рассматривать на некоторых общих основаниях? Для того, чтобы дать ответ на него и при этом избежать ловушки методологического национализма, как и других – концептуальных по своей сути, необходимо более внимательно рассмотреть сложившийся понятийный аппарат анализа проблем общественно-политического устройства различных стран.

Насколько непростым остается положение дел в этой области говорит уже явная неопределенность с ее базовыми определениями и концептами. Долгое время самым операциональным для описания и анализа социальной и политической организации отдельных стран считалось понятие *государство*. В обнаружившемся вскоре плюрализме его трактовок некоторый консенсус получила Конвенция о правах и обязанностях государства, принятая в 1933 г. в Монтевидео. Согласно ей, государство, как субъект международного права, должно обладать следующими характеристиками: (а) постоянным населением; (б) определенной территорией; (с) правительством; г) способностью к вступлению в отношения с другими государствами (United States of America, Argentine Republic, Brazil, Chile, Colombia, etc... 1933). Не менее показателен также ранее сложившийся в рамках институционального подхода взгляд на государство как *политический институт*. Однако проявившийся, по мнению некоторых авторов (К. Беме) в работе с такими подходами «теоретический вакуум» привел к внедрению еще одного определения – *политическая система*, более известного с 1950-х гг. по работам Д. Истона. При этом еще следует понимать отличие сложившихся трактовок *политической системы* от собственно системного понимания политической организации общества (Воскресенский 2007; Системный подход в современной науке 2007). Но затем еще произошло знаменательное возвращение в научный обиход *нового институционализма*. (Гудошников 2007) Однако, вопрос о соотношении этих различных определений толком не был проработан.

Опыт западной науки закрепил статус европейского государства-нации (вестфальского типа), такого как в Голландии, Швеции, Франции, и сложившегося в нем понятия *суверенитет*, а также институтов как эталона государственного устройства (Terborn 2021). Почти четырехкратное увеличение числа государств после Второй мировой войны с 46 до только признанных 193 - выявило скепсис в отношении универсальности государственного устройства такого рода. В то время как в Восточной, Юго-Восточной Азии отмечалась положительная тенденция к *вестфализации* (Alagappa 2003; 2012), на Ближнем Востоке фиксировался *кризис* государств-наций (Наумкин 2017). По мере развития новых государств проявились и такие явления, как, например, выборная автократия или *несостоявшееся*

государство. Массовая транснациональная миграция, переросшая в эмиграционный кризис 2010-х гг. в Европе, заставила наиболее проникательных исследователей прийти к печальному для концепции нации-государства выводу. «Мы, европейцы, делаем вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т.д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро». Произошедшие перемены побудили социального теоретика У. Бека – одного из наиболее известных критиков методологического национализма также утверждать, что переживаемый Западом второй модерн может перейти в модерн *космополитический* (Бек 2007, 7). Отсюда и развернувшиеся обсуждения разнообразия вариантов государственного устройства и возможности сегодня создать универсальную типологию государств (Ильин 2008; Коломер 2008; Colomer 2007)¹. Наши российские искания западников и славянофилов, почвенников и либералов не менее показательны в этом отношении

Неудивительно, что дискуссии о природе своей государственности начались и между китайскими специалистами. В 1978-1983 г. дебаты шли по поводу уточнения: является ли КНР пролетарским государством, участвующим в мировой борьбе против капитализма, или таким же национальным образованием. В 1990-х гг. обсуждался вопрос: должен ли Китай оставаться членом международного пролетарского лагеря или национальным государством в мировой международной системе? Затем стали уточнять, какие национальные интересы Китая – самые важные и как их реализовать? Смещение затем фокуса на обоснование тезиса о мирном развитии Китая потребовало уточнить: является ли КНР ревизионистским или статус-кво государством (Грачиков 2021, 45- 52; Гордон 2017, 19).

Некоторые дополнения к трактовке рассматриваемой темы были озвучены Председателем КПК Си Цзиньпином. Он призвал к построению модернизированного социалистического государства, форсировать создание государства инновационного типа. При этом Китай все же определялся как социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян (Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК).

Цивилизация, государство, нация. Когда стало ясно, что Китай при всем желании нельзя обсуждать также как: Португалию, Сингапур, Швецию, Швейцарию и т.д., — это осознание спровоцировало даже критику традиционного китаеведения в целом (Kuijper 2014). Свой вариант выхода из возникшей неловкой ситуации предложил в 1992 Л. Пай. Он определил Китай как «*цивилизацию-государство*, выдающее себя за нацию-государство» (Pye 1992). Идея была быстро воспринята другими специалистами, и Китай теперь считается эталоном государства такого типа, к которому также относят Россию и Индию (Coke 2019; Guang Xia 2014; Zhang Weiwei 2012). Как показал Г. Игеди, цивилизация-государство строит свою легитимацию не на обращении к нации, но на своем цивилизационном наследии. На Западе легитимация еще предполагает демократическое функционирование, а в Китае культура более значима, чем политика, также как и мораль (Egedy 2021, 242). В то же время Ж. Коломер продолжал описывать Россию и Китай как *мегагосударства-империи* (Colomer 2007; 2016)

Однако представленные проблемы с определением характера государств / политических систем при попытке рассматривать их через идею цивилизации еще более усугубляются. Дело в том, что с определением цивилизации есть свои сложности. Более-менее понятно, что такой подход предполагает явный крен в обсуждение роли культуры, религии, искусства и т.д., значительно трансформируя понимание собственно политического. Показательно, что известное определение цивилизации рассматривает ее как группу государств, объединенных общими культурными характеристиками (например, православная, исламская, конфуцианская и еще примерно 20 цивилизаций). Но с

¹ Достаточно реальную палитру плюрализма современных государств можно представить на основе данного издания «Политический атлас современности». 2007.

пониманием того, что является культурой, остаются свои очень серьезные проблемы. Предложенное совмещение понятий цивилизация и государство в отношении не только Китая, но и других государств во многом было обусловлено *полиэтническим* составом населения этих государств (Pabst). В этом случае определение цивилизация-государство справедливо вступает в противоречие с попытками сохранить понятие *империи*. Ведь в качестве одного из значимых признаков такой политической организации тоже считается неоднородный в этническом плане состав населения государства. Для *нации-государства*, напротив, признается показательным уже *этнически однородное* население (этно-нация). Наряду с уже указанной массовой транснациональной миграцией четкость такой дихотомии сегодня размывает то обстоятельство, что всего лишь около 20 государств, включая обе Кореи, Польшу и Японию, а также не самые крупные, такие как Барбадос, Бахрейн, Коста-Рика, отвечают такому требованию. Не случайно, что в отношении США с их различным не только в этническом, но и в расовом отношении населением также применяется определение империя. В любом случае, новое неимперское понимание характера государственности России и Китая требует еще и обращения к проблеме *нации*.

Сделать это надо хотя бы потому, что наша специфика отражена в преамбуле к Конституции, где записано: «Мы, *многонациональный* народ Российской Федерации...». В свою очередь, в официальной доктрине китайской нации, разработанной Фэй Сяотуном, она также трактуется как нация, состоящая из *разных наций* (Москалев 2001; 2005). О необходимости возрождения великой китайской нации часто говорить в своих выступлениях и Председатель КНР Си Цзиньпин. Как известно, в политическом лексиконе еще бытуют термины *национальное меньшинство* и *этническая общность*. Поэтому к определению *нация, включающая другие нации*, следует отнестись более внимательно, хотя бы потому, что один из основополагающих принципов ООН провозглашает *право наций на самоопределение*. Следовательно, для России и Китая проблема нации, является не предметом схоластических дискуссий, а актуальным вызовом сугубо *экзистенциального характера*. Ведь те же призывы к «деколонизации» России, надо полагать, затем и Китая пытаются опереться на указанную международную норму. Однако, и при попытке определения нации мы оказываемся в такой же непростой ситуации, как и в случае, когда нужно было понять, какой вариант государственного устройства у нас представлен.

Ясно, что сам термин нация и его смысл являются западноевропейским по своему происхождению. За время существования его значение претерпело непростую эволюцию от обозначения студенческих землячеств, религиозных общин до современных трактовок, обусловленных переходом к государству и обществу модерна, связанных с возникновением капитализма. Достаточно распространенную версию современной трактовки этого понятия сформулировал Р. Коллинз: «Нация представляет собой ту форму, которую принимает *этническая общность*, когда в ходе постепенного расширения этнических границ они начинают совпадать с границами *государства...*» (Коллинз 2005, 85). Поскольку американские реалии всегда отличались от европейских, то в США появилось особое понятие *гражданская нация* как объединение всех граждан государства без учета их расовой, этнической и т.д. принадлежности. Специализировавшийся на изучении государств Юго-Восточной Азии и Латинской Америки Б. Андерсон, как известно, вообще провозгласил: нация – это *воображаемое сообщество*. Тогда становится понятно, почему появляются и такие трактовки нации: «Нация – это население, обладающее коллективной идентичностью и коллективным стремлением к некоему варианту самоуправления, необязательно в виде собственного суверенного государства. Основу этой коллективной идентичности образует общая культура значений» (Ternborn 2021). Неудивительно, что Э. Геллнер пришел к выводу: нация – вообще дань моде. «Только потому, что в наш националистический век национальные объединения являются привилегированными, излюбленными объектами отождествления и добровольного присоединения, это определение кажется заманчивым; просто все другие виды групп сейчас отступают на задний план» (Геллнер 1991, 124). Другие

же специалисты призывали забыть о нации или же утверждали, что невозможно дать научное определение нации. Не случайно, в последнее время многие авторы предпочитают обсуждать тему *нациестроительства* (Building a Nation-State 1990). В представленной ситуации общей неопределенности используемых понятий и определений становится очевидно, что нападки на общественно-политическую организацию России и Китая не имеют не только научных, но и вообще каких-либо оснований.

Сложность, тренды. Для продвижения в понимании рассматриваемых проблем необходимо обратиться к современному теоретико-методологическому арсеналу исследований. Прежде всего, следует отметить, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика отличаются не просто большими размерами и масштабами, но и многоуровневой организацией, а также включением достаточно различных составляющих их образований. Поэтому для их анализа необходимо использовать методологию анализа *сложных явлений* (систем), включая метод *итерации*, когда мы последовательно выделяем разные уровни изучаемого явления, а затем исследуем их адекватными методами и приемами (*Диалектика познания...* 1988; Кузнецов 2020). Кроме того, следует учитывать, что история государственности в России насчитывает более 1 тыс., а Китая – более 4 тыс. лет. Эти показатели особенно важны, так как в свете представлений о зависимости современного состояния явлений от предшествующей траектории развития (*тренда*) необходимо учитывать общую историческую динамику при решении различных вопросов. Рассмотрим с учетом предложенных подходов некоторые наиболее общие характеристики, значимые для понимания общественно-политической организации России и Китая.

На уровне анализа целостных государственных образований (*политий*) становится очевидным, как уже отмечалось, что многие идеи и понятия социально-гуманитарных наук сформировались в условиях Западной Европы. Они стали возможны на основе, сложившейся в результате крушения Западной римской империи, с последующим Возрождением, Просвещением, первыми буржуазными революциями, развитием капитализма, колониальными захватами. Пройденный путь положил начало в XVII-XVIII вв. эпохе модерна, завершившейся в 60-х гг. XX в. постмодерном.

Разрыв с XIII в. тесных связей Руси с Западной Европой, падение в середине XV в. Византийской империи, освоение Сибири обусловили во многом самобытное развитие русских княжеств, а затем Московского царства. «Прорубание окна в Европу» в начале XVIII в. позволило Российской империи освоить достижения Запада в сфере военного дела и технологий, что позволило сохранить свою государственность. Однако во многом это удалось сделать за счет «второго издания крепостничества» (С.Д. Сказкин), обусловившего, в том числе по логике И. Валлерстайна, полупериферийное положение России. Развитие собственно капитализма в России, начавшееся с Великих реформ 60-х гг. XIX в. было прервано Великой русской революцией 1917-1922 гг. Перестройка и реформы 1990-х снова изменили вектор развития государства и общества нашей страны, тем не менее изменить базовые их основания даже потрясения XX в. не смогли, слишком велика оказалась сила предшествующей традиции. (Цымбурский 1996) Как пророчески показал еще в «угар» 1990-х В.Л. Цымбурский: «Все, что русские почерпнули на Западе, уже никуда от них не уйдет, и к этим почерпаниям могут быть присоединены еще многие иные, но частью европейского мира, как в прошлом и на тех же правах, Россия, скорее всего, уже не будет» (Цымбурский 1997, 67).

Понятно, что еще более самобытной на фоне рассмотренных примеров выглядит история Китая. До начала контактов с Европой эта страна, как и другие восточноазиатские государства, прошла самобытный исторический путь, в ходе которого у нее сложились особые формы общественно-политического устройства. Следует особо отметить, что стадия возникновения аналога централизованного государства здесь была пройдена гораздо раньше (Asia in the 21st 1997; Callahan 2011; Kim 2000). Прямая угроза со стороны колониальных держав Старого Света побудила ряд общественно-политических деятелей Китая, а также

Кореи и Японии второй половины XIX в. взять курс на «отход от Азии» и двинуться навстречу европейской цивилизации (Gi-Wood Shin 2007, 14). Однако уже к концу девятнадцатого столетия доминирующей становится обратная тенденция возвращения к *паназиатским приоритетам*. Подобный поворот вполне объясним: пресловутая «модернизация/вестернизация» в первую очередь затрагивала экономику и политику азиатских стран, но не культуру, которая во многом сохраняла свои традиционные начала, продолжая при этом оказывать влияние на экономические и политические сферы общественной жизни (История Китая с древнейших времен ... 2016: Compton 2000, 2, 5).

Если теперь перейти на новый уровень анализа поставленной проблемы – особенностям общественной организации, то нетрудно отметить следующие важные обстоятельства. Секуляризация и разрушение традиционных связей и отношений между людьми обусловили развитие *индивидуализма* на Западе, при котором социум рассматривается как механическое объединение индивидов. Российское общество при всех потрясениях еще сохраняет признаки того качества, которое принято определять как *общинность, соборность* и т.д. Не менее показателен также значимый для нас *этатизм*, т.е. особые, тесные отношения индивида с государством. В Китае, несмотря на активные усилия западных специалистов найти здесь привычный для них индивидуализм, клановые, родственные и другие связи сохраняют свое значение. Как показал В.В. Малявин: «Китайская традиция предъявляла своим восприимчивым жёсткое требование превозмогать всё субъективно-частное в себе, причём такое усилие носило характер «оставления себя» равнозначного самотипизации и, следовательно, восполнению своего бытия» (Малявин 2013, 92). Эти различия по линии *индивидуализм-коллективизм* лежат в основе гипертрофизации в западной академической и общественной традициях понятия *идентичность*. В российском научном сообществе разрабатывалась теория *этнуса* как особой общности людей («народа»), объединенных общими свойствами, но не имеющей еще своей политической организации. Во многом наша специфика социумов обусловлена тем обстоятельством, что еще до 1950-х гг. (Россия) и начала 2000-х гг. (Китай) оставались обществами с преимущественно крестьянским населением.

Представленная специфика социально-экономического развития определила и особенности *модернизации* в наших странах, осуществляемой революционным путем социалистических революций на основе марксистской теории. Понятно, что слабость буржуазии и немногочисленность рабочего класса, в отличие от западных развитых государств, обусловили остроту проблемы *субъекта модернизации* как в России, так и для Китая. Решение проблемы указало ленинское учение о *партии нового типа*. Однако масштабы решаемых задач обусловили закономерное преобразование КПСС и КПК из партий рабочего класса в общенародные партии с последующим ростом численности их членов (КПСС - около 17 млн. чел. накануне распада СССР, КПК – 73, 76 млн. чел. к ХУП съезду 2007 г.).

Важно также понимать изменения государственности и социумов наших стран, фиксируемые при переходе от установок того же панславизма и тянся, затем идеологии пролетарского интернационализма к осознанию собственных интересов для определения своего места в мире, заданным полицентричным его видением. При этом все же очевидно, что, несмотря на множество внешних различий, в организации наших политий есть много общего.

В контексте приведенных данных возникает несколько принципиальных вопросов, например: какие этапы исторического развития России и Китая можно соотнести с западной эпохой *модерна*? Насколько правомерно говорить о постмодерне применительно к реалиям наших стран? Эти вопросы приобретают особую актуальность с образованием Евросоюза, поставившего европейские государства-нации в совершенно новые обстоятельства. Теперь они должны были отдавать часть своего суверенитета евробюрократии. Сам Союз должен приспособиться к своему *полиэтническому* состоянию. При этом здесь еще происходит

размывание среднего класса, а рабочие уже не рассматриваются как класс, так как не играют прежней роли в общественно-политической жизни своих стран. Подобные «инновации» можно рассматривать как выход на мегатренд развития, по которому уже давно развиваются Россия и Китай. Поскольку ЕС оказывается только в начале этого пути, то еще неизвестно сможет ли он отвечать требованиям, которые ставят перед ним такой уровень интеграции и воздействие со стороны США. В любом случае, получается, что государство-нация уже не может быть универсальным эталоном. Скорее исторический опыт России, Китая, Индии, дополненный необходимым технологическим обеспечением, становится более актуальным в современных условиях.

Таким образом, Российская Федерация и Китайская Народная Республика, с точки зрения своей общественно-политической организации, не являются некими аномалиями или «неправильными» формами. Они должны рассматриваться как полноправный тип государственности, который должен быть осмыслен должным образом без использования устаревших ярлыков, таких, как империя. На данном этапе исследования можно предложить для обозначения России, Китая, Индии термин *гиперполития*.

Литература:

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седелника. Москва: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007.

Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и модели демократии на Востоке. Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. С. 6-38.

Геллнер Э. Нация и национализм. Москва: Прогресс, 1991.

Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: модернизм-традиционализм-глобализм. Москва: ИНИОН РАН, 2017.

Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений. На пути к большим теориям. Москва: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2021.

Гудошников Л.М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. // Политические системы и модели демократии на Востоке. Москва: АСПЕКТ ПРЕСС 2007. С. 577-611.

Диалектика познания сложных систем. М.: Мысль, 1988.

Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.09.2022)

Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8-41

История Китая с древнейших времен до начала XX! Века. Том 1X. Реформы и модернизация (1976-2009). Москва: Наука, 2016.

Коллинз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // Логос. 2005; № 1. С. 19-64.

Колломер Ж. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства // Политическая наука. 2008; № 4. С. 42-61.

Кузнецов А.М. Восточная Азия как сложный феномен // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020; № 2. С. 8-18.

Малявин В.В. Модернизация и капитализм в Китае. По поводу гипотезы М. Вебера / Синьхайская революция и Республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сборник статей. Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 90-108.

Москалёв А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999) / Отв. ред. В. С. Мясников. Москва: Памятники исторической мысли, 2001.

- Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. Москва: 2005.
- Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017; Том 15, № 2 (49). С. 27-43.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: МГИМО, 2007.
- Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвиг фон Бергаланфи. Отв. редакторы И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. Москва: Прогресс-Традиция, 2004.
- Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политик // Полис. Политические исследования. 1996. № 3.
- Цымбурский В.Л. «Европа-Россия»: «третья осень системы цивилизаций» // Полис. Политические исследования. 1997; № 2. С. 56-63.
- Alagappa M. Constructing Security Order in Asia: Conceptions and Issues // Asian Security Order: Instrumental and Normative Features / Ed.: M. Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 75–105.
- Alagappa M. Nation Making in Asia: From Ethnic to Civic Nations? Kuala Lumpur: Institute of Strategic and International Studies, 2012.
- Asia in the 21st Century: Economics, Socio-political, Diplomatic Issues / Ed.: P.C. Chow, G.C. Chow. Singapore: World Scientific, 1997.
- Beyond the Methodological Nationalism: Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies / Ed.: A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. N.Y.; L.: Routledge, 2012.
- Building a Nation-State. China after Forty Years / Ed. by J.K. Kallgren. Berkeley, 1990.
- Callahan W. A. Tianxia, Empire and the World // China Orders the World / Ed. by Callahan, Barabantseva. Baltimore: John Hopkins University Press, 2011.
- Coke C. The Rise of the Civilaxional State. Cambridge: Polity Press, 2019.
- Colomer J. M. Great empires, small nations. The uncertain future of the sovereign state. London, New York, 2007.
- Colomer J. M. Empires Versus States // Oxford Research Encyclopedia, Politics. Oxford University Press USA, 2016.
- Compton R.W. East Asian Democratization: Impact of Globalization, Culture and Economy. Westport: Greenwood Publishing Group, 2000.
- Egady G. Nation vs Civilization? The Rise of ‘Civilizational States // Civic Review. Special Issue, 2021. P. 241-250.
- Guang Xia. China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation // Procedia - Social and Behavioral Sciences. August 2014; Volume 140, 22. P. 43-47.
- Hiddleston J. Understanding Postcolonialism. Stocksfoeld: Acmen, 2009.
- Kuijper H. What’s wrong with the study of China/countries // Asian Studies, 2014; II (XVIII); № 1. P. 151–185.
- Martin J. Civilizational State versus Nation-state. <http://www.martinjacques.com/articles> (дата обращения 17.08.2022)
- Pabst A. China, Russia and the return of the civilizational state. New Statesman 8 may 2019 <https://www.newstatesman.com/world/2019> (дата обращения 16.08.2022)
- Pye L.W. The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, MS: Harvard University Press. 1992.
- Shi Zhiyu. Civilization, Nation and Modernity in East Asia. New York: Routledge, 2012
- Ternborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, 2021; 14 (2). P 225-242.
- United States of America, Argentine Republic, Brazil, Chile, Colombia, etc. Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26th, 1933.: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (дата обращения 22.09.2022).

Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation State-building, Migration and the Social Sciences // Global Networks. 2002; Vol. 2; Iss. 4. P. 301–334.

Zhang Weiwei. The China Wave: The Rise of a Civilizational State. World Scientific (WCPC), 2012.

УДК 93/94 (510)

Кулаева Екатерина Константиновна, бакалавр
направления «Зарубежное регионоведение»
Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Kulaevakaty02@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Китай и Россия стремятся поставить экономику в центр своего стратегического партнерства. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество и торговля должны опираться на развитие транспортно-логистической системы, упрощающей взаимодействие. Этот аспект представляется особенно важным с учетом того, что экономика заявляется как ключевая опора двусторонних отношений и расценивается как имеющая определяющее значение для развития, процветания и возрождения могущества Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова. Россия, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, транспортно-логистические коммуникации.

FEATURES OF MODERN CHINESE-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

Kulaeva Ekaterina Konstantinovna, Bachelor of
Foreign Regional Studies at the Institute of International Relations
Kazan (Volga Region) Federal University
Kulaevakaty02@mail.ru

Abstract. China and Russia are striving to put the economy at the center of their strategic partnership. Mutually beneficial economic cooperation and trade should be based on the development of a transport and logistics system that simplifies interaction. This aspect is particularly important considering that the economy is declared as a key pillar of bilateral relations and is regarded as having a decisive importance for the development, prosperity and revival of the power of the Russian Federation and the People's Republic of China.

Keywords. Russia, China, trade and economic cooperation, transport and logistics communications.

Особенности торгового и экономического взаимодействия между Россией и Китаем на современном этапе

Лидеры России и Китая в настоящее время формируют во многом схожее видение экономической повестки дня. На первый взгляд их мнения выглядят исключительно взаимодополняющими друг друга. Инициатива китайского лидера Си Цзиньпина «Один пояс-один путь», выдвинутая в 2013 году, подтолкнула государственные и частные